

расчислены просвещенным умозрением, видятся вместе с тем как достойные и долг патриотической гражданственности, толкуемой в ключе служения процветающему и сплоченному мощному государству, преодолевшему средневековую междоусобицу, а заодно и пестроту обычаев, верований, наречий, культур.

На деле помыслы о желанном сопряжении личностного, вечного и исторически наличного очень скоро оказались переходяще хрупкими. В недрах французского монархического государства зрели народные мятежи и раздоры религиозных войн; вбитые в зыбкий грунт опоры единства шатались. Тем паче далек был от возлагавшихся завешенных ожиданий королевский двор, где кое-кто из зачинателей Пляеды, прежде всего Ронсар, намеревались добиться не просто положения славословящих певцов, но и независимых мудрых советчиков. Ход вещей упрямо не желал внимать самоуверенному ученому разуму ни в большом, важном для всей Франции, ни в малом, житейском.

Поэтому-то история Пляеды довольно скоро обернулась — увь, не в первый и отнюдь не в последний раз — «историей, преисполненной глубокого драматизма, а зачастую и неподдельного трагизма». Он проистекал из неминуемого столкновения «между личностью, осознающей свою суверенность, и государственной властью» (с. 22). Трудные 1552—1553 годы образуют водораздел между порой «радушных надежд на понимание, благосклонность, щедрую отзывчивость» монаршего престола и «порой обид и горьких разочарований» (с. 23). Пока что это еще не сама гроза, а предгрозье, и оттого доверие к жизни и личности, утратив прекраснородушие, не рухнуло; щемящая скорбь и порой язвительная приглядка к окружающему умерили, но не вытеснили приязни к бытию и вкуса к его дарам — неистовый вития светопредставления Агриппа д'Обинье с его надрывной катастрофичностью не за горами, однако час его не пробил. Но и тех потрясений, что выпали на долю членов Пляеды, предостаточно, чтобы поворот в их творчестве произошел. Он знаменовал собой отнюдь не спад, а напротив, прорыв к исповедальной подлинности поэтического чувства и очищение проникновенности его высказывания от примесей заемного, условного, ходульного, как это сплошь и рядом случается в искусстве, которому открывающаяся правда жизни, мучительная, а то и попросту убийственная для его создателей, жестоко благотворна. Рубеж переломных лет, когда идет не лишняя болезненности и, однако, плодотворная перенастройка жизненчувствия и пера с хвалебного на иной лад, — вдумчивее, проще, естественнее, и членил взятый в книге отрезок истории Пляеды на два отчетливо различающихся периода.

Столь нелегко давшийся сдвиг, конечно, не есть просто-напросто откат вспять

и не перечеркивает завоеванного. Вершинные достижения в лирике зрелой Пляеды возможны лишь постольку, поскольку площадка для них подготовлена предшествующим реформаторством. Программа этих преобразований, «Защита и прославление французского языка» Дю Белле (гл. II «Литературный манифест Бригады») — теоретический чертеж орудия, которое надлежит изготовить так, чтобы оно было приспособлено преломить в поэзии фафос личностно-универсальной образованности на службе национальному государству. То самое жизне- и мироощущение, что уже давно носилось в воздухе и словно бы ждет появления кружка молодежи во главе с Ронсаром, наделенной даром вдохновенного слова, дабы обрести и лирический голос. Здесь, в этом преобладающем умонастроении корни того, что аргументация будущей Пляеды отливается в изложениях наставлений poeta docta. Вырвавшиеся на престор после веков застоя, опыненное античностью ренессансное знание, как водится, мнит себя первооткрывательством, получившим доступ к эзотерическим секретам творчества единственно подлинного по причине своей «научной» расчлененности, и вмывает в обязанность лирикам следовать «заветам древних», т. е. предписаниям гуманистической филологии. На все непосредственно предшествующее и сам Дю Белле, и разделяющие его «исповедание веры» друзья склонны взирать как на подлежащее безоговорной отмене заблуждение и предрассудок — почти сплошь неученость и кустарщина, невятицу и неуклюжесть, безвкусицу своевольного сумбура. Взамен должны воцариться собранность, обдуманность, единство, благопристойность, равновесие, прозрачность, дисциплина — короче, правильное умение. Эстетические нормы нарождающейся школы преследуют цель внести в стихийно и «ремесленно» ведущееся хозяйство отечественной словесности, пока не распростившейся со средневековой «анархией», жесткий устав, внушенный, так сказать, трехпостасным Разумом: отвлеченно-философским, антично-книжным, национально-государственным.

Несомненны, как показывает Ю. Б. Вишпер, приращения в виде прежде всего упорядоченности, которая внедряется в художественное мышление, когда оно подвергнуто перешлавке и обработке, чтобы подняться вровень со столь ответственными задачами, рано или поздно встававшими перед любой из развитых западноевропейских литератур. Инструментарий словесности оттачивается и усовершенствуется, делается тоньше, точнее, вывереннее, отлаживается применительно к освоению меняющейся жизни, будь то жизнь сердца, страны, природы, повседневная обыденность или течение истории. Однако и без издержек дело не обходится. Во Франции при Пляеде и силами ее приверженцев нормативно-рассудочная канонизация творчества делает первый шаг к вытеснению в глу-